

О. А. Титов

**Смысловая многослойность поэтического текста
(на примере анализа стихотворения А. С. Пушкина «Глухой глухого...»)**

В статье подчеркивается мысль о том, что для создания у школьников более глубокого представления о сущности настоящей поэзии необходимо в процессе ее анализа стремиться продемонстрировать ученикам смысловую неисчерпаемость стихотворного текста, а не сводить его к банальной прозаической фразе. Также утверждается, что наибольшая часть выявляемых при разборе содержательных уровней поэтического произведения не является результатом сознательных интенций автора и может им самим не осознаваться. В качестве иллюстрации к высказанным положениям дается подробный анализ пушкинского стихотворения «Глухой глухого звал к суду судьи глухого...». Отталкиваясь от особенностей содержания и формы, используя социально-исторический контекст и выявляя интертекстуальные связи стихотворения с прецедентными текстами, в том числе с текстом Ветхого Завета, автор доказывает, что данное произведение, пусть и задуманное как легкая стихотворная шутка, оказывается своеобразной литературной моделью мира, тающей в себе множество смысловых уровней и обладающей значительным потенциалом для всевозможных, даже идеологических, интерпретаций.

Ключевые слова: семантика, поэтический текст, смысловая неисчерпаемость, авторские интенции, стихи А. С. Пушкина, интерпретация, мотив глухоты, диалоги глухих, модель мира, несовершенство мировосприятия, тема творчества, эстетизация образа, интертекстуальные связи.

О. А. Titov

**Semantic Multiple Layers of the Poetic Text
(on the example of the analysis of A. S. Pushkin's poem «The Deaf ...»)**

In the article the thought is underlined that in order to create the deeper idea of the essence of the real poetry in pupils it is necessary to try to show pupils semantic inexhaustibility of the poetic text in the course of its analysis, and not to reduce it to the hackneyed prosaic phrase. Also it is claimed that the greatest part of the substantial levels of the poetic work revealed at the analysis is not the result of conscious intentions of the author and it can not be realized by him. As the example to the given statements the detailed analysis of Pushkin's poem «The Deaf Called the Deaf to Court of the Deaf Judge ...» is given. Making a start from features of contents and a form, using a sociohistorical context and revealing intertextual communications of the poem with case texts, including the text of the Old Testament, the author proves that this work, which was made as an easy poetic joke, appears to be the peculiar literary model of the world concealing in itself a set of semantic levels and it has a considerable potential for various, even ideological interpretations.

Keywords: semantics, poetic text, semantic inexhaustibility, the author's intentions, A. S. Pushkin's verses, interpretation, motive of deafness, dialogues of the deaf, world model, imperfection of attitude, creativity subject, aestheticization of an image, intertextual communications.

К сожалению, школьный анализ стихотворения зачастую сводится лишь к попыткам определить его «основную мысль» или догадаться о том, «что хотел сказать этим произведением автор». Ответы обычно получаются под стать вопросам – банальные идеи в столь же банальных формулировках. Неудивительно, что после таких «разборов» ученик начинает воспринимать поэзию лишь как способ «заумно» и многословно выразить какую-то всем известную мысль. Однако задача филологического анализа состоит не том, чтобы свести содержание поэтического произведения к одной-единственной прозаической фразе. Здесь надо, наоборот, показать его смысловую неисчерпаемость, поскольку, по точному замечанию

Ю. М. Лотмана, даже «небольшое по объему стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста» [2, с. 35].

Столь же некорректными представляются и попытки выяснения авторского замысла, поскольку в итоговом варианте произведения он может трансформироваться до неузнаваемости, а содержание получившегося творения окажется не до конца понятным и самому поэту. Напечатанный текст отторжен от его создателя и, по словам У. Эко, теперь «порождает собственные смыслы» [6]. Этот факт признают и сами авторы. «Покусившийся хоть раз, как говорилось в старину, предать себя тиснению, – писал В. Ф. Одоевский, – с

той самой минутой становится публичной собственностью, которую всякий может трактовать, как ему угодно» [3, с. 288]. Более того – автор зачастую оказывается счастлив от того, что в его творении открывают неведомые ему грани смысла. «Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя», – признавался У. Эко [6]. А потому следует согласиться с мнением В. А. Лукина, что «оптимальным образом художественный текст может быть истолкован вне зависимости от своего генезиса и замысла» [3, с. 285].

Для подтверждения высказанных тезисов попробуем проанализировать малоизвестное стихотворение А. С. Пушкина «Глухой глухого звал к суду судьи глухого...». Небольшой объем, внешняя простота и шутовскость содержания, а также отсутствие тропов создают обманчивое ощущение легковесности этого произведения и отсутствия в нем в какой-либо смысловой глубины. Однако при внимательном рассмотрении стихотворение оказывается многослойным по своему содержанию и, как любое истинное произведение искусства, стремится стать своеобразной моделью вселенной. Проводя анализ, мы специально проигнорируем такие факты, что сюжет стихотворения в общих чертах является заимствованным, что последние две строки имеют варианты и что сам Пушкин использовал его как иллюстрацию одной из мыслей, высказанных в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» (1830 г.). Остановимся на итоговом, каноническом тексте и рассмотрим его вне связей с первоисточниками и первоначальным авторским замыслом. Для большего удобства приведем текст, вошедший в классические издания произведений Пушкина:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова». –
«Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, –
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Почто ж идти вам брат на брата,
Не тот и не другой, а девка виновата». [5, с. 479]

На первый взгляд может показаться, что перед нами просто зарифмованный анекдот со стандартной сюжетной схемой: два неадекватно воспринимающих действительность человека вступают в спор и обращаются за помощью к третьему, мировосприятие которого оказывается еще более неадекватным, вследствие чего ситуация доводится до абсурда. Однако пушкинское стихотворение, даже если оно и задумывалось первоначально

как анекдот, в действительности оказывается более глубоким по содержанию.

В первую очередь отметим, что этот текст предоставляет чрезвычайно широкие возможности для разносторонних, даже идеологических его истолкований. Так, в советское время он мог бы стать удачным примером для изображения Пушкина как противника крепостного права и обличителя мелкобуржуазных устремлений деградировавшего дворянства. В этом случае для выявления «смысла» стихотворения можно было бы пойти следующим образом. Все трое глухих – дворяне. На это указывают не только исторические реалии (владение землей, возможность обращения в суд), но и сам язык персонажей, в котором активно используются элементы книжной речи, более характерные для официально-делового стиля. Это архаичное уже в пушкинское время указательное местоимение «сей», страдательная конструкция с кратким причастием в роли сказуемого («Моя им сведена корова»), инверсии с вынесением в препозицию предикатов (в репликах первых двух глухих) для актуализации в одном случае противоправного действия, а во втором – отношения принадлежности. Становится понятно, что глухие прекрасно владеют канцелярским слогом даже в устной его форме. Можно предположить два не исключаящих одно другое объяснения данного факта:

– персонажи долгое время служили или продолжают служить чиновниками, а потому канцелярский стиль для них естественен даже в устном общении;

– помещики настолько долго или часто судятся и пишут кляузы друг на друга, что привыкли к изложению своих мыслей языком канцелярских документов.

В таком контексте использованный в речи судьи идиоматический оборот «брат на брата» приобретает значение «брат по сословию», ибо все дворянство воспринималось как рыцарское братство. Что же касается слова «девка», то оно, как известно, применялось в то время лишь по отношению к крестьянским девушкам, крепостным. Таким образом, можно рассмотреть данное стихотворение как произведение социально-обличительное: чуждые самой жизни помещики, глухие ко всему, что не несет им практической выгоды, заняты лишь мелкими склоками, в то время как «без вины виноватыми» и вследствие этого страдающими оказываются простые люди. Все как в пословице – «паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Власть же в лице судьи защищает

помещиков и оборачивается против простолюдинов. Сложно сказать, насколько сам Пушкин мог подразумевать подобную трактовку своего стихотворения, но данный вариант интерпретации вполне можно предположить, если рассматривать текст под таким углом зрения. Однако в любом случае содержание произведения этим не исчерпывается. Здесь присутствуют и более важные смысловые пласты. Начнем с выявления тех, что лежат еще у самой поверхности.

В первую очередь перед нами художественное изображение того своеобразного мировосприятия, которое свойственно людям, страдающим глухотой. Это содержание извлекается прежде всего из внимательного наблюдения над самой формой стихотворения. Так, композиционно произведение делится на три части:

- действие и речь первого глухого;
- ответ второго глухого;
- решение судьи.

Все части представляют собой двестишестидесяти парной рифмовкой, а потому оказываются автономными в отношении формы. «Отклик» на клаузулу не выходит за пределы сообщения об одном герое. Тем самым показано, что каждый из героев замкнут на самом себе, отделен своей глухотой от остальных людей и всего мира, а настоящий ответ на его суждение может дать лишь он сам.

Носителем смысла оказывается и пунктуация стихотворения, правила которой Пушкин сознательно нарушает. При глаголах говорения «кричал» (первый глухой) и «возопил» (второй глухой) реплики героев необходимо завершить восклицательными знаками. Однако Пушкин в обоих случаях ставит точки: то, что для остальных людей является криком, воплем, для глухих оказывается вполне нормальной по громкости, даже тихой речью, поскольку и в ней они слышат далеко не все.

Очевидно, из всего речевого потока глухие персонажи вычлениют лишь отдельные звуки и слоги, которые соединяют по-своему, создавая совершенно другие слова и домысливая контекст, в котором те могут быть употреблены. Создается ощущение, что в пушкинском стихотворении реплики глухих помещиков особым образом фонетически организованы, а потому на имплицитном уровне содержания «появление» в речи судьи абсолютно «нелогичной» «девки» оказывается вполне оправданным. Если рассмотреть фонетическое строение реплик первых двух персонажей, в них можно обнаружить повторение не только звуков [д], [э], [в], [а], но и целых слогов, образующих слово «дева»: «Моя им сведена корова» и

«Сей пустошью владел еще покойный дед». Трижды использованный слог «де», сочетание «ва» и одиночные «а», «е», «в», вполне могли сложиться в восприятии глухого судьи в слово «дева» или «девка», если учесть дважды прозвучавший слог «ко» («корова» и «покойный»). А далее был домыслен контекст, согласно которому именно эта «девка» и стала причиной раздора. Такой интерпретации способствует и грамматика: пять из одиннадцати лексем, использованных в репликах, имеют значение женского рода («моя», «сведена», «корова», «сей», «пустошью»). Императивная форма «помилуй» в речи второго глухого вполне может быть воспринята как оценочное прилагательное «милая», опять же относящееся к «мифической» девке. И таким образом поэт, казалось бы, объясняет законы, по которым происходит искажение действительности в восприятии страдающего глухотой человека. Однако здесь возникает и дополнительное смысловое приращение: то, что на первый взгляд воспринимается как абсурд (появление в речи судьи ранее не упоминаемой «девки»), оказывается вполне оправданным и закономерным, если разобраться в сути явления. То есть хаос в этом мире есть наше заблуждение, вытекающее из недостаточного понимания его законов. В мире царят гармония и логика, но их надо уметь видеть.

Другой, еще более глубокий смысл выявляется из наблюдений над системой персонажей. В созданном поэтическим воображением автора мире все сценические персонажи глухи. Следовательно, речь идет о глухоте не как о физиологическом недостатке отдельных людей, а как о всеобщем их свойстве. То есть изображается тотальная неспособность людей к адекватному обмену мыслями, к полноценной коммуникации. Человек по природе своей не может полноценно воспринимать окружающий его мир. Подобно глухому, что соединяет воспринятые им слоги в совершенно иные слова, мы сами из отрывков воспринятой информации выстраиваем свои собственные модели вселенной. При этом можно выделить первичные и вторичные модели. Если в репликах первого и второго глухих представлены образы мира, основанные на непосредственных контактах персонажей с действительностью, то в словах судьи создается модель мира, построенная из элементов двух других моделей. Здесь интересен и тот факт, что в процессе их выстраивания коммуниканты все дальше уходят от самой реальности. Так, если «яблоком раздора» в ситуации, изложенной первым глухим, оказывается

действительно существующая одушевленная корова, то в картине, представленной вторым глухим, эту роль играет «пустошь» – существующая, но при этом неодушевленная. Пустошь же принадлежит «деду» – уже несуществующему и потому тоже неодушевленному. А в речи судьи возникает «девка», которая вообще никогда не существовала. Так модели, по ходу их создания, все дальше уходят от своего живого прообраза.

Здесь же присутствует мысль о том, что люди выстраивают собственные миры, а те отражают сущность своих создателей. При этом сами творцы живут в созданных ими мирах, игнорируя недоступную для их восприятия реальность. Главной же причиной возникновения этих индивидуальных для каждого вселенных является несовершенство человеческого восприятия действительности, символом которого в стихотворении Пушкина становится глухота. Та же глухота оказывается и основным фактором разобщения людей. И она же во многом определяет индивидуальность каждого человека, обуславливает оригинальность его мировосприятия.

Таким образом мы подходим к парадоксальному на первый взгляд утверждению, что это стихотворение еще и о творчестве. Человек в силу несовершенства своего восприятия из «выхваченных» фрагментов реального мира и моделей, созданных на его основе другими людьми, создает собственный мир, и этот мир есть продукт его творчества. В стихотворении Пушкина показан и сам процесс творчества, и его основные причины. Этими причинами оказываются, во-первых, несовершенство человеческого восприятия, а во-вторых – желание каждого из нас создать себе ту модель действительности, которая его наиболее устраивает. При этом наблюдается и такая характерная черта творческого воссоздания мира, как его эстетизация. Если в ситуациях, изложенных обоими глухими, объекты их спора – бытовые, приземленные предметы, то в образе реальности, что создает судья, «корову» и «пустошь» сменяет «девка». Таким образом, ситуация несколько облагораживается – дворяне ссорятся из-за девки, а не из-за коровы или куска заброшенной земли.

Тем не менее, несмотря на различия в создаваемых ими образах мира, несмотря на замкнутость на самих себе, люди во многом похожи друг на друга – той же замкнутостью, теми же особенностями мировосприятия. Именно так можно проинтерпретировать то обилие внутренних рифм между тремя частями пушкинского стихотворения: «глухой» (1, 2) – «другой» (3), «возотил» (2) –

«решил» (3), «судьи» (1) – «идти» (3), «моя» (1) – «судья» (3), «к суду» (1) – «тому» (2). Люди похожи тем, что все они искаженно воспринимают мир, ставят себя в центр его и подгоняют общую картину под свои собственные интересы. При внешнем различии во взглядах они обладают значительным внутренним сходством.

Невозможно проигнорировать и широкие интертекстуальные связи этого стихотворения, углубляющие его содержание. В первую очередь здесь можно отметить смысловые переключки с другим пушкинским стихотворением – знаменитым «Пророком». Важнейшие качества, которые приобретает перерождающийся в пророка человек, – это истинное зрение и истинный слух. У обычных людей эти чувства приравнены к слепоте и глухоте. Обретение пророческого дара позволяет герою воспринимать мир более широко и во взаимосвязи всех его уровней:

И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней розы прозябанье [5, с. 385].

Мотив глухоты как всеобщего свойства людей и причины их непонимания друг другом сближает стихотворение Пушкина и с ранее созданной комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума», где многочисленные диалоги глухих призваны подчеркнуть как непримиримость идеологических разногласий, так и физиологические недостатки консерваторов. В этом отношении стихотворение можно воспринимать как сатиру на современное поэту дворянское общество.

В данном стихотворении можно даже обнаружить аллюзии на текст Ветхого Завета. Так, выражение судьи «брат на брата» отсылает к самому первому конфликту между братьями – противостоянию Каина и Авеля. При этом первый глухой выдвигает в качестве предмета спора корову, а второй – участок земли. Если вспомнить, что «был Абель пастырь овец; а Каин был земледелец» [1, с. 4], то возникающая аналогия еще более усиливается. Далее говорится о «пустоши», принадлежавшей ранее «покойному деду». «Пустошь» начинает соотноситься с исходным состоянием земли, которая некогда «была безвидна и пуста» [1, с. 1]. Гораздо интереснее оказывается библейская параллель «покойному деду». Ведь если учесть, что Каин и Абель были сыновьями Адама и Евы, а тех, в свою очередь, создал Господь, то именно Бог, согласно генеалогии, оказывается

«дедом» Каина и Авеля. Прилагательное «покойный» в этом плане означает уже не «умерший», а «удалившийся на покой», «отдыхающий от трудов», поскольку, как известно, «совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» [1, с. 2]. В таком контексте совершенно иное значение получает и слово «девка», оказавшаяся причиной всех разногласий. То есть намеченные параллели напоминают читателю о библейской прародительнице человечества Еве, поддавшейся искушению и увлекшей за собой Адама. Способность к познанию мира, полученная людьми, действительно становится для них проклятием, поскольку является неполной. Человек не может в совершенстве постичь мир, ибо он сам несовершенен. Он не может увидеть мир во всей его полноте, ибо сам ничтожен по сравнению с Творцом. Однако уподобление Богу все же произошло: человек встал на путь творчества – начал создание собственных, пусть и неполноценных, миров.

Вот и получается, что внешне незатейливый анекдот преобразуется под пером Пушкина чуть ли не в сакральный текст, таящий множество смысловых пластов, каждый из которых содержит в себе все более глубокую информацию о человеке, его природе, его отношениях с миром, с Богом, а также о творчестве и его истоках.

Конечно же, в таком случае всегда возникает вопрос: насколько сознавал сам поэт представленные здесь смыслы его творения? Это уже не столь важно, поскольку мы имеем дело с текстом, уже отчужденным от его создателя. Если текст допускает таковые интерпретации, значит выявленные смыслы могут в нем содержаться независимо от интенций самого поэта. Есть и другое объяснение: поэт иначе мыслит, основываясь на образном, интуитивном восприятии мира, а мы пытаемся перевести его открытия на язык рационального мышления. И получается, что наибольшая глубина содержания характерна для произведений, созданных в результате озарения, своего рода подключения к некоему высшему источнику, а не в ходе рационального подбора мыслей и слов на задан-

ную тему. Это еще и критерий истинности произведения искусства.

А в заключение, в качестве курьеза, приведем фрагмент пушкинской статьи «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений»: «У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критику. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно и она нас не поймет. Это напоминает старинную эпиграмму...» [4]. И далее, как иллюстрация к высказанной мысли, следует текст стихотворения про глухих.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета [Текст]. – Минск, 1992. – 1198 с.
2. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха [Текст]: пособие для студентов / Ю. М. Лотман. – Л., 1972.
3. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум [Текст] / В. А. Лукин. – М., 1999. – 560 с.
4. Пушкин, А. С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rvb.ru/Пушкин/Основной текст
5. Пушкин, А. С. Сочинения в трех томах. Том первый [Текст] / А. С. Пушкин. – М., 1985. – 736 с.
6. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zadocs.ru/filosofiya/4387/index.html

Bibliograficheski j spisok

1. Biblija. Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta [Tekst]. – Minsk, 1992. – 1198 s.
2. Lotman, Ju. M. Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stiha [Tekst]: posobie dlja studentov / Ju. M. Lotman. – L., 1972.
3. Lukin, V. A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii. Analiticheskij minimum [Tekst] / V. A. Lukin. – M., 1999. – 560 s.
4. Pushkin, A. S. Opyt otrazhenija nekotoryh neliteraturnyh obvinenij [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: rvb.ru/Pushkin/Osnovnoj tekst
5. Pushkin, A. S. Sochinenija v treh tomah. Tom pervyj [Tekst] / A. S. Pushkin. – M., 1985. – 736 s.
6. Jeko, U. Zametki na poljah «Imeni rozy» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: zadocs.ru/filosofiya/4387/index.html